

ВЛАДИМИР ЛЕОНОВ

На ступеньках не сидят, по ступенькам ходят

ТОМ III. ДЕРЖАВИН. ЛЕРМОНТОВ.
ФЕТ. ТЮТЧЕВ. КРЫЛОВ

Владимир Леонов

**На ступеньках не сидят, по
ступенькам ходят. Том III.
Державин. Лермонтов.
Фет. Тютчев. Крылов**

«Издательские решения»

Леонов В.

На ступеньках не сидят, по ступенькам ходят. Том III. Державин. Лермонтов. Фет. Тютчев. Крылов / В. Леонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830526-9

Эта третья книга нравственно-патриотического цикла «Я — русский, какой восторг» — посвящена творчеству Державина, Лермонтова, Фета, Тютчева, Крылова.

ISBN 978-5-44-830526-9

© Леонов В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Державин Георгий Романович	8
Лермонтов Михаил Юрьевич	17
Конец ознакомительного фрагмента.	30

**На ступеньках не сидят,
по ступенькам ходят
Том III. Державин. Лермонтов.
Фет. Тютчев. Крылов
Владимир Леонов**

© Владимир Леонов, 2016

ISBN 978-5-4483-0526-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Эта третья книга нравственно – патриотического цикла «Колумбы русской словесности»

Цель книг – с высоты третьего тысячелетия помочь разобраться в том, какими они были, открыватели бессмертных рубежей русской литературы, как они следовали зову своего сердца и держали верный нравственный и духовный курс. В ней читатель зачерпнет полным ковшом пьянящего русского языка, как *исповеди народа, пропуска в историю и карантина перед воротами правды и справедливости...*

«У лукоморья дуб зеленый...» – пожалуй, единственная поэтическая строчка из школьной программы, которую знает и готов продолжить каждый выпускник. А как же Бунин, Тютчев, Фет? Неужели так ничего и не задержалось в душе и памяти?

Так может и не стоит десять лет зря листать страницы великой русской классики, переведенной на все языки мира? Вырос же Пушкин гением, не прочитав в детстве ни одной пушкинской сказки.

Школьный учебник – лишь начало незримой лестницы, ведущей на литературный олимп. На ее ступенях учатся читать, мыслить, творить. По ней великие имена ушли в вечность, где нет первых и вторых, где все равны и одинаково совершенны. Большинство же из нас всегда усядется на первой, нижней ступеньке, равнодушно пропуская выше тех, кто стремится к восхождению и полету.

«На ступеньках не сидят, по ступенькам ходят» – редкая по выразительности книга о выдающихся русских писателях в контексте их жизненного и творческого пути. Она написана лично для каждого, кто желает заново открыть для себя литературное наследие России.

Книги о русских поэтах и писателях, которые обжигали Истиной каждое слово, носили «...Родицу в душе» и «умирая в рабский век – бессмертием венчаны в свободном».

«Пушкина убили, Лермонтова убили, Писарева утопили, Рыльева удавили... Достоевского к расстрелу таскали, Гоголя с ума свели...»

Пушкина скосила отделившаяся от него стихия Алеко, Лермонтова – тот страшный идеал, который сиял перед ним, «как царь немой и гордый», и от мрачной красоты которого самому ему «было страшно и душа тоскою сжималася»; Гоголя – безысходность страдания и отчаяния

И рядом с этим списком – трагические судьбы рано погибших писателей: Николая и Глеба Успенских, Левитова, Гаршина, Надсона, Щедрина; самоубийство Фета... и добровольный исход из мира «войн и судеб» усталого стойка Л. Толстого.

А еще Милонов, Костров, Полежаев, Мочалов, Вавилов... кончивший жизнь самоубийством Радищев и растерзанный Грибоедов.

О художниках, которых всегда волновали Русская Земля и Русский Человек. «Страшные загадки русской души... волновали, возбуждали мое внимание» (Бунин). И которые воспринимали и вмещали в своем сознании далекую древность и современность России, все поведение и умонастроение Великого народа: «Ведь он русский: стало быть, ему все под силу, все возможно!»

И выражали это в произведениях – потрясениях, книгах – пробуждениях, книгах пророческих: «талантом, знаньем и умом» давали примеры обществу, «служили его пользе».

И осуждали и обличали, но пером водило главное – желание трезво взглянуть на народ и Россию, бесстрашно разобраться в запутанности народной жизни, в невероятной сложности характеров и мировосприятия миллионов.

В книгах гневных и скорбных, и одновременно наполненных светлой стихией веры в нетленную мощь русского уклада и русского характера:

«...На святой Руси не было, нет и не будет ренегатов, то есть таких выходцев, бродяг, пройдох, этих расстриг и патриотических предателей...»

В. Белинский

Эссе призвано производить впечатление... Автор исходного сборника не скрывает, что он старался и сам почувствовать Колумбов русской литературы, переболеть глубиной их мысли, литературной дерзостью, роскошью поэтических образов, полнотой жизни, бьющей из них увлекательным фонтаном; и также вызвать у читателя искреннее желание снова коснуться красивых и глубоких текстов русской классики.

Великий миряне России, ее поэтические пророки, вечно присутствующие в нашей жизни: *«но клянусь честью, ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков такой, какой Бог ее дал»* – Пушкин.

Нет России без ее великих патриотов. Нет России без ее великих властителей дум. То и другое вместе – явление русского духа.

Книги рассчитана на широкую читательскую аудиторию, истинных ценителей живого русского языка, русской литературы

Державин Георгий Романович

(1743—1816)

Картежник, буян, мот и повеса

«бранился с царями и не мог ни с кем ужиться»

Георгий Державин – самое яркое выражение екатерининского дворянского времени. Прямая декларация нового социального бытия Россия во всех коллизиях и парадоксах,

«Портрет» мелкопоместного безликого *«множества»*, выходца из *«низкой доли»*, получившего скудное пономарское образование, проникающего через головы вельмож на самые верхи империи, в царский дворец, подножию трона: губернатор, секретарь Екатерины II, *«стул сенатора Российской империи»*, государственный казначей, *«кресло министра юстиции»*.

Бедный служилый дворянин, живший в казарме со «сдаточными» солдатами из крестьян, наравне с ними в течение 10 лет выполнявший самую черную работу. Вместе с полком участвовал в свержении власти Петра III и возведении на трон Екатерины II.

С беззаветной преданностью и волевым характером выдвинулся в первые ряды, сделался главным «камнем» екатерининского государственного переворота и незаконного прихода к власти.

И в дальнейшем всем своим самодержавным возвышением Екатерина была обязана поддержке со стороны дворянской «взвеси» (Державин —ее резюме), оттеснившей от кормила родовитую знать (*«мишурных царей»*) своей *неслыханной дерзостью* и *«ума палатой»*.

Отсюда рельефная «дантоновская» патетика независимости, «вольтеровский» пафос личного самоуважения и артезианская неисчерпаемость *«добродетельного мужа»* – готовность без страха и сомнения *«служить своим пером короне и ее орлам»*.

В него воедино устремились все ручьи и потоки дворцовых переворотов, пугачевщины, временщиков, «добродетельные» черты и поступки Фелицы (Екатерины) на фоне праздной и тщеславной роскоши ее «мурз», «пашей» (сановников).

Он есть и вельможный строптивец, с резким, неуживчивым характером, осмелившийся царствующей особе говорить правду, сквернословить в ее присутствии (*«бранится с царями и не может ни с кем ужиться»*), и потакающий своим чувственным вожделениям: кабаки, игорные дома, карточные игры, ночные распутства, «красотки».

Он и старая, патриархальная Русь, и величественная имперская Россия; он и грубый, с отсутствием всякой меры, до физиологической обнаженности простой мужик, и пышно обласканный, усыпанный множеством благ и звезд хитрый, пронырливый и изворотливый царедворец – **по одному узнают всех** (лат.).

И вместе с тем, вся жизнь Державина отражает специфическую социальную особенность «державного» правления Екатерины II – быстрое приближение к царскому трону и резкое падение.

Член секретной следственной комиссии по делу о пугачевском бунте и едва ли не был повешен вместе с Пугачевым.

Олонецкое губернаторство Державина закончилось отставкой и преданием суду.

Скоро уволила и императрица с должности секретаря: *«не только грубил при докладах, но и бранился»*.

Павел подверг опале за *«непристойные ответы»*.

Александр I – за то, что *«он слишком ревностно служил»* уволил его от всех дел и отправил на покой в новгородскую деревню.

Во всей биографии Державина читалась двойственность, противоречивость, так свойственная Державину – царедворцу (*«поэту царей»*) и Державину – «отцу русских

поэтов» (Белинский): неуклонная приверженность к «правде» всегда и во всем («я тем стал бесполезен, что горяч и в правде черт») и стихи как орудие подъема к самому подножию трона, вратам «сладкой» жизни, которые писались им на «случай», с «намерением», с «отношением» к лицам или обстоятельствам того времени («Екатерина и другие особы, для которых он преимущественно писал, понимали все это и умели ценить»).

Религиозная ода «Бог» была воспринята Екатериной как пламенная апология самодержавия и она щедро наградила своего «собственного автора» (Державин подписывал свои письма – «ее величество собственный автор») – назначает олонецким губернатором.

Одой «Фелица» Державин прославляет правление Екатерины, результат – императрица пожаловала вельможе табакерку, усыпанную бриллиантами, и 500 червонцев. После отставки от губернаторства спасает себя от суда и возвращает себя к двору новой одой, посвященной Екатерине – «Изображение Фелицы».

Одой, воспевающей восшествие Павла I на престол, возвращает «благоволение» пятого императора России.

«Молодой Державин начинает свою литературную деятельность любовными «анакреонтическими песнями» (Анакреонт – греч. лирик, воспевал мирские наслаждения) и непристойными «площадными побасенками» в духе военной казармы.

Однако неистовое стремление к дворянскому бытию, к дворцовой роскоши заставляет его создать «высокий штиль» хвалебных од. Стать российским Пиндаром (греч. поэт), сочинителем похвальных стихов в изысканной торжественной величавости.

Именно такой явилась ода 1773 г. «На бракосочетание великого князя Павла Петровича». Придворная хвалебная песнь – «витийствующая», «напыщенная», «надутая» с языком отвлеченно – торжественным, книжно – славянским. «Языком богов» – велелепия и пышности.

Но Державин не был бы центральным местом, «подпорой» екатерининского трона, если бы он не осознавал свой самобытный творческий путь, не ощущал, по собственному признанию, «несоответствие» торжественной речи дворца «дару автора».

Жизнь возле российского престола – для Державина не отдаленный Олимп с богами и богинями, а живая реальность. И сам он – представитель тех дворян, которые рвутся к основанию трона, к верхам. Поэтому он стремится наполнить свой стих конкретным жизненным содержанием, сделать ареной деятельности личностей, из которых одних должно хвалить, других – всячески порицать и осмеивать.

Оды Державина содержат радугу живых характеров и лиц с одной стороны, а с другой – имеют налет ироничности, а зачастую и прямо сатирический «бичующий» привкус.

Державин разрушает иерархию «высоких штилей», упрощает лексику своих од, вводя в них слова из разговорной речи простолюдин. Язык громоздких и неуклюжих патетических фраз он смешивает с грубоватым, но метким говором дворянского мелкопоместья и гвардейской казармы.

И такая литературная магистральная тенденция проявилась у Державина в стихотворении 1779 «На рождение на севере порфиородного отрока» (*будущего Александра I*). Поэт в начале воспевает это событие «в ломоносовском вкусе», торжественно хвалебном, а затем, ощутив «свой дар автора», отошел от набора отвлеченных красивых слов, облакает данный сюжет в легкий игривый и такой притягательный мир «анакреонтической песни»: мир простых наслаждений, любви, утех.

Хотев парить, Державин избирает свой путь. Полноценное свое выражение этот «путь Державина» нашел свое выражение в оде «Фелица» (Фелица, Фелицитас – лат. «счастье» – римская богиня успеха и счастья).

Все многообразие и своеобразие «Фелицы» заключается в том, что хвалебная ода сочетается с резким политическим памфлетом, обличением. Образ «Добра» Фелицы —Екатерины –

в противовес остросатирическим образам высшей придворной знати, погрязшей в алчности и корысти.

Образ Екатерины – смело импрессионистский, донельзя демократический: образ «простоты», усердия и трудолюбия, даровитости и деловитости. Черты как раз свойственные тому страту, слою обездоленного, но трудового дворянства, из гнездовья которого «выпорхнул» сам поэт.

Отношение Державина к «Фелице» – почтительное, почти как к божеству. Однако не лишено в то же время некоторой шутовщины, почти фамильярности. Тем самым поэт как бы невзначай, в неочевидном ключе, подчеркивает свое равенство с владычицей. Привлекал и «забавный слог» оды – взятая из просторечья, бытового обихода легкая и простая разговорная речь.

«Фелица» – второй переворот эпохи Екатерины (первый – свержение Петра III), настоящий «блокадный прорыв» нового художественного дарования и основной литературной тенденции эпохи, *рейнстрим*

Екатерина щедро наградила «воспевателя дел ее» и сделала это, по ее выражению, «исподтишка», «украдкой от придворных лиц», высмеянных Державиным и «поднявшим на него гонение».

«Фелица» послужила мощным толчком к изданию при непосредственном участии императрицы журнала «**Собеседник любителей русского слова**», имевшего целью содействовать дальнейшим успехам русского языка и литературы. Первый номер «**Собеседника**» открылся «Фелицей, явившейся прямым манифестом умной, твердой и крепкой монаршей власти.

Воспевание Екатерины является масштабной темой поэзии Державина, и не случайно поэту было дано прозвище, эпиклеса, «*певца Фелицы*».

Вторая тема творчества Державина – тема беспощадной иронии, едва ли не прямой ненависти, к старой родовитой знати, находившейся у трона не по праву ума, а по прихоти судьбы, по праву своего происхождения. В бытность министром юстиции он подал записку Сенату, в которой писал: «*Порода есть только путь к преимуществам; запечатлевается же благородное происхождение воспитанием и заслугою*».

Он в своих одах выступает грозным и беспощадным «бичом вельмож» (Пушкин о Державине). Предельная резкость и сила «бичующего» голоса Державина проявляется в таких выражениях: «жалкие полубоги», «истуканы на троне», «блещущий металлом болван», «позлащенная грязь», «останется ослом, хоть осыпь его звездами» (оды «Вельможа», «Властителям и судиям»).

«Боярским сынам», «дмящимся пышным деревом предков дальних», Державин противопоставляет в своих сатирических одах истинную «подпору царства», «русское множество дворян», которое во время пугачевщины «спасло от расхищения» империю, «утвердило монаршу власть», а ныне «талантом, знаньем и умом» «дает примеры обществу», «пером, мечом, трудом, жезлом» служит его «пользе».

Для Екатерины борьба Державина с «боярами» было частным выражением в борьбе различных слоев современного ей дворянства за влияние на нее. Занимала она вообще неопределенную позицию, но чаще всего становилась на сторону вельмож, бояр. Державин писал:»

– ...она при всех гонениях сильных и многих неприятелей не лишила его своего покровительства и не давала, так сказать, задушить его; однако же и не давала торжествовать явно над ними оглаской его справедливости или особливую какую – либо доверенностью, которую она к прочим оказывала».

Под воздействием этих обстоятельств образ Екатерины в творчестве Державина постепенно стал меняться.

Присяжный «певец Фелицы» (императрицы Екатерины II), создавший в своих стихах *богоподобный образ монархини*, завесивший его хвалебными одами, навлекший на себя гнев императрицы и обвинение в том, что он пишет *якобинские стихи* (ода *Властителям и судьям*, ода *На взятие Варшавы*), пошел по пути развенчания *своего высокого прежнего идеала*, когда *вблизи увидел подлинник человеческий с великими слабостями*.

По мере ухода из творчества Державина образа Екатерины на его место выходят образы великих вождей и полководцев того времени: Репнина, Румянцева, Суворова, Потемкина, Ушакова.

Посвящая им свои строки, Державин лепит очертания подлинного главного Победителя России – сказочного *вихря – богатыря, твердокаменного росса* – всего русского народа (примечание самого Державина к оде *На взятие Измаила*).

Военные начинания и победы русского дворянства второй половины XVIII в. находят в Державине своего самого восторженного *баяна*, создателя *победных од*, поэтики *громозвучной*. Торжественно приподнятая тональность, патетика военного слова и боевой трубы, мощь образов, метафор и аллегорий – все это составляет глубину и вселенский размах *победных од*.

По поводу одной из первых таких од Екатерина сказала Державину: «*Я не знала по сие время, что труба ваша столь же громка, как лира приятна*».

Державин предстает перед нами по – римски напыщенным и помпезным, по – библейски величественным и громогласным, и по – детски неуклюжимым и причудливым. Эта органическая замесь торчит из него с яркой разностильностью и грубой цветистостью как нечто личное и естественное.

Счастливый богач, он не светский человек: не посещает салоны, балы, не толпится в «передней» временщиков.

Он не паркетный щеголь и шаркун.

Он не участник альковных интриг светских дам, он не пишет им изящные письма, не щебечет и не заливается дворцовым соловьем, он груб и непристойен порой.

В нем нечастые мифологические имена, но в нем вся разномасть словаря и синтаксиса люда простецкого.

Он само неистовство, весь радость и героизм, он ликует по случаю русских побед, как ветхозаветный Исайя, он весь плотское наслаждение с отсутствием меры, как Соломон в «Песни песней», он как Иеремия, обличает и проклинает пороки самодержавия.

Гоголь как – то сказал, что *русская поэзия по выходе из церкви оказалась вдруг на балу*. Это правильно, но с поправкой, что после церкви и перед балом был русский Прометей Державин.

До него на Руси главным образом была религиозно – церковная литература: апокрифы, жития святых, духовные песни. Державин, в сущности», альфа русской поэзии. То есть бык (семит. «альфа» – бык), который начал пахать новые плодоносящие земли.

Николай Гоголь писал, что поэты России «*сделали добро уже тем, что разнесли благозвучие, дотоле небывалое... Поэзия наша пробовала все аккорды*». По образному выражению Гоголя, *предисловием русской поэзии выступил Ломоносов*.

Да, Ломоносов нащупал первые тропки. А верстовую дорогу русской поэзии начал прокладывать Державин. Метафора Белинского как посланница Неба, как голубь с оливкой веткой – *он назвал Державина «отцом русских поэтов»*.

Действительно, стих Гаврилы Романовича – прямодушный, простодушный и вместе с тем важный, ворчливый, гневливый, как и подобает отцу.

Его стих пересыпан мужицкими ядреными словечками, простонародными бытовыми картинками, причитаниями и жалобами человека, пожелавшего быть самим собой, как бы трудно это не было.

Строки поэта порой «нехороши», «не грациозны», они как – то корявы и неуклюжи; они неловки, не в такт изяществу, они чертыхаются, хохочут, бранятся и плюются; но какие дерзкие, за гранью чистого вкуса, отчаянные образы и сравнения, но какие взлеты и полеты мысли за пределы «благовоспитанности».

Сколько парадоксального у Державина! «Надгробные там воют лики...», то есть воют лица.

Корифей французской литературы Стендаль как – то писал:

«Я люблю дурное общество, где встретишь больше непредвиденного...».

Державин – сама неукротимость жизни, ничем не сдерживаемая и не ограниченная страсть к радостям жизни, такая здоровая и такая сильная страсть: здесь и примитивный восторг при виде блюд на столе, и возможности всхрапнуть после обеда, и умиление от послушности слуг («не могут идохнут»), и библейский пафос справедливости («Властителям и судьям»), и трогательно глубокий монолог о вечности (ода «Бог»).

Державин жаждал воинских подвигов и парадов, любви и трепетных ощущений. Он любил жизнь во всей громкой славе российской государственности, с викториями отечественного оружия, с величием русских героев.

Он реально писал «о доблестях, о подвигах, о славе». Писал о том, что хочет действительная жизнь и писал потому, что любил фонтаны жизни, любил то, о чем Блок *«забывал на горестной земле».*

Он по – настоящему заслужил право об этом писать. Потому что испил чашу горестной жизни сполна.

С девятнадцати лет —казарма, солдат черновой работы; только через десять лет он получил первый офицерский чин. Десять лет мучительной солдатской судьбы: муштра, походы, изнуряющая дисциплина. Солдатская служба «поставила» ему вкус к жизни, к ее конкретным радостям, заложила динамит бурлящего характера: сильного духа и крепкой веры в себя.

Образом солдатского служения России выступает Георгий Державин

«И дым Отечества нам сладок и приятен»

А. Грибоедов

Взгляд Георгия Державина на мир был прост и прям. Подчинялся единственной для него верной мысли, старой, как сам мир: *«Дух веет, где хочет».*

Он конкретное земное создание, он бык, который нагнув упругую шею, всегда лезет на острие рапиры – на то, что восхищает величием, на то, что глубинно, сильно, могущественно, предельно обостренно.

Искренний державинский восторг, протуберанец радужных эмоций и фонтана чувств перед военной государственной мощью нации:

«Услышь, услышь, о ты вселенная!

Победу смертных выше сил;

Внимай, Европа, удивленна,

Каков сей россов подвиг был.

Языки знайте, вразумляйтесь,

В надменных мыслях содрогайтесь;

Уверьте сим, что с нами Бог»

Этот державный голос, этот пафос государственности глубоко усвоит потом Пушкин.

Великое для поэта Державина достоинство – быть предельно откровенным, не скрывать своего простодушья, своей искренности и своей удивительности – мир скучен только для скучных людей

«Я любил чистосердечье» – признавался Гаврила Романович. И вовлекал сердце в органическую область совести, непреходящей жизненной ценности: важно не место, а независимость Духа

Заявлял всенародно: *«Не умел я притворяться, на святого походить»*. Давая нам, современником, право прочесть его лиру в дерзком ключе, всеядной ассоциативной образной призме:

«Изменник перед Христом, он неверен и Сатане»

Он таким и вошел в простонародную память, простодушный в своих достоинствах и пороках: самодовольный, грубый, лукаво – льстивый, капризно – жеманный, плотоядный, биологически чувственный.

Он как бы говорил: *«Я вот такой, какой есть, я не стесняюсь самого себя, я естественен, бери меня таким, каким я есть»*.

Он не хотел быть бесенком, пусть и «золотушным».

Не хотел быть мелким и извиваться, путаться под ногами. В мутной стихии всеобщего идолопоклонства, он – бес. Одаренный, бесстрашный, волевой.

Жизнь для него была палладиумом его души, оазисом его сердца, к которому он непрерывно направлял, словно по легендарному шелковому пути, караваны мыслей, чувств и настроений. Мудрец сказал однажды: *«Мы легко прощаем другим их недостатки, ибо это наши недостатки»*

Державин порой любовался своей непристойностью, смаковал ее как предмет гастрономии, как пищу, грубочувственно:

«А ныне пятьдесят мне было... прекрасный пол меня лишь бесит... Амур едва вспорхнет и нос повесит».

Лукавый секретарь Екатерины, грозный губернатор, слащавый сенатор, надменный министр и одновременно патриарх, окруженный многочисленными чадами и домочадцами, стадами и овинами.

А вот он властный вельможа, заставляющий ждать в приемной:

*«...жаждут слова моего:
А я всех мимо по паркету
Бегу, нос вздернув, к кабинету
И в грош не ставлю никого»*.

И народную массу считавший чернью: *«Чернь непросвещенна и презираема мною»*.

Да, такая откровенность царедворца сравнима с мужеством воина на поле битвы. Именно ее впустил в свою душу, «алого цвета зарю», Есенин.

Единственное препятствие, встреченное им на пути – смерть, возможность уничтожения, превращения в ничто. Препятствие было непреодолимым – и это упрямец Державин понимал. Хотя и негодует, возмущается вихрем, топает ногами – он не хочет мириться, он отказывается принимать смерть!

Льются, буквально низвергаются горестные сентенции, да так, что Всемирный потоп кажется детской затеей:

*Вся наша жизнь не что иное,
Как лишь мечтание пустое.*

И обрушивается металл булавы на наковальню души истерзанной:

*Иль нет! – тяжельый некий шар
На нежном волоске висящий...*

За три дня до смерти Гаврила Романович Державин буквально грубой Иерихонской «прогрозотал» на все миры и окраины его своим откровением, сродни Откровению Иоанна.

И облек ее в тугой непроницаемый саван загадочности, тайны. Тайны восьмистишья, печать которой еще предстоит вскрыть:

*Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.*

Державин хотел следовать природе, «чтоб шел природой лишь водим». Он хотел, чтобы художник изобразил его «в натуре самой грубой».

И здесь же наивно шутит:

*«Не испугай жены, друзей, придай мне нежности немного».
Державин поэт дома, домашности:
«Счастлив тот, у кого на стол
Хоть не роскошный, но опрятный,
Родительский хлеб и соль
Поставлены...»*

(«О домовитая ласточка»)

Это было творчество, может быть, единственного в России поэта, к которому можно применить эпитет «принципиально не интеллигент».

Державин принимал мир не в отвлеченных соображениях «разума» и «здорового смысла», а как факт. Как вещь упрямую, с которой не поспоришь и которую не изменишь.

Подчас он был недоволен жизнью, но считал, что ее нужно принимать такой, какая она есть – ведь прелести жизни так быстротечны.

Воспитанный в казарме, солдат, низших чинов офицер, спесивый царедворец, властный губернатор и амбициозный министр, он писал стих по – плебейски грубо и прямо, **но писал – то языком русским! Языком, который живо дышал простодушием, свободой и независимостью.**

Державин понимал свободу, как свободу от страстей и тревог. То есть так, как понимали ее эллинские мудрецы: бородастые греки и бритые римляне.

Он был предшественником Пушкина, «столпом Мелькартовым», в этом внутреннем понимании свободы;

*«Он ведает: доколе страсти
Волнуются в людских сердцах.
Нет вольности...»*

Эта державинская антиномичность была воплощена Пушкиным в «Цыганах».

У Державина свой самобытный, личный язык, слабо согласованный с общими правилами грамматики того времени. Он создает лексические обороты по своим правилам, идущим от жизни, от души и сердца.

Он не хочет поступать по – светски, говорить, как принято. Он вихрь, он ломает все условности. Его напору нет стены равной.

В этом его магнетическая прелесть, фосфоресцирующая нетленность и магия обаятельности.

Он неповторим и невоспроизводим в своем антидиалектичном примитивизме: у него все неизбежно, все просто, все упрощено, все не гибко; явления не текуче, не переходят друг в друга, не взаимопроницаемы, одноплановая наивность.

Одическому риторству своего соперника, стоявшему за его спиной Ломоносову, он противопоставлял свою «простодушную» натуру, домашность, приватность.

У Державина в срезе действительности есть что – то от священного чудака, философа и пророка. Он и дурачится, и обучает и прорицает. Стремится «истину царям с улыбкой говорить», шутя и балагурия учить царей:» *И в шутках правду возвецу»*

Державин —предвестник века «золотого» русской поэзии, разглядевший в кучерявом отроке при посещении Царскосельского лицея будущую поэтическую гениальность масштаба Вселенной.

25 июня 1815 г. они встретились впервые: 72 – летний Державин, приехавший в лицей принимать экзамен, и 15 – летний Пушкин. Здесь патриарх русской поэзии произнес пророческие слова, что русская поэзия в лице Пушкина начинает свой рост.» (*«Державин нас заметил»* – Пушкин). Под словом «нас» – муза и поэт. Встреча была единственная.

В 1815 году поэта пригласили почетным гостем на публичный экзамен в Царскосельский лицей. Ни одно важное событие культуры не обходилось без присутствия «старика Державина». Поэт был стар и дряхл. Он знал, что жить остается недолго и, никогда не страдавший от скромности, мучился оттого, что *«некому лиру передать»*. Нет в России поэта, достойно продолжившего бы его дело.

Державин дремал, сидя за столом экзаменаторов и знатных гостей. И не сразу понял, откуда взялись великолепные строки стихов, звучащие в парадном зале. Кудрявый юноша читал их звонко и взволнованно.

О чем тогда подумал старый поэт? Что появился тот, кому не страшно и не совестно передать свое первенство в русской поэзии?

Что наконец – то можно спокойно оставить здешний свет?

Вот как сам кудрявый лицеист, А. С. Пушкин, вспоминал позднее этот экзамен: *«Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы взволновались. Дельвиг вышел на лестницу, чтобы дождаться его и поцеловать ему руку, руку, написавшую Водопад. Державин был очень стар. Он был в мундире и в плисовых сапогах. Экзамен наш очень его утомил. Он сидел, подперши голову рукою. Лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвисли: портрет его (где представлен он в колпаке и халате) очень похож. Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности.*

Тут он оживился, глаза заблестали; он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостью необыкновенной.

Наконец вызвали меня. Я прочел мои Воспоминания в Царском Селе, стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояния души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилося с упоительным восторгом...

Не помню, как я кончил свое чтение, не помню, куда убежал.

Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел меня обнять. Меня искали, но не нашли».

Державинские бесхитрость, искренность, наивность – те самые прелести и очарования, ценности поэта, прошедшие чрез врата вечности и ставшие моральной вершиной человечества:

«Где слава? Где великолепье?
Где ты, – о сильный человек?»

Сегодня Гаврила Романович Державин звучит как великий поэт, переведенный на множество иностранных языков – ведь он судил о своей жизни не по урожаю, который собирал, а по тем семенам, что посеял.

Человек и поэт, образ неподдельной естественности, который так старательно выложила природа – художник

Список использованной литературы:

1. Г. Державин. Стихотворения. 1947
2. Г. Державин. Оды. 1988
3. В. Ф. Ходасевич. Державин. 1988

Лермонтов Михаил Юрьевич

(1814 – 1841)

Он носил *«в душе предчувствие будущего идеала»*

Михаил Лермонтов – второй Мелькартовый столп русской поэтической Вселенной (первый – Пушкин). Шедевральная самобытная личность, вобравшая в себя все противоположности, образы и призрачность идеала николаевской эпохи. Личность с собственным расколотым мышлением и двумя магистральными трактовками своей судьбы, двумя «хромающими» парадоксами. Ум Лермонтова породил их, но не сумел преодолеть, и потому духовная жизнь поэта (короткая такая физически) находилась во власти этих антитетичных, взаимоисключающих состояний: падший дух, сознательно проклявший мир и избравший зло («Демон», 1829) – аналог библейского сюжета «Зло творит мир» и второе – чистый душой страдалец, мечтающий о простоте, свободе и естественной гармонии (поэма «Исповедь» 1831, прообраз поэмы «Мцыри»). И, как следствие «сожительства» в неволи двух исключаящих образов, «венчание» дуэлью – гибель в 27 лет у подножья горы Машук пулей Мартынова, отправленной прямо в грудь Печатника обреченности; похоронен в семейной часовне – усыпальнице в свинцовом и засмоленном гробу, рядом с могилой матери и деда (село Тарханы Пензенская обл.).

За короткие 27 лет жизни вошел в пантеон русской словесности как автор исключительной по разнообразию тем и мотивов лирики; его творчество стало венцом национальной романтической поэмы. Создал около 400 стихотворений, написал 10 поэм и ряд прозаических произведений.

Поэзия Лермонтова – это страстная, увлекательная и покоряющая сила, она обращена к сердцу, внутреннему миру человека, являет собой тончайший лиризм, протест и гармонию, нежность и силу. Родоначальник психологической школы в русской литературе с ее едкими истинами и горькими микстурами: холодное отчаяние и радикальное, революционное отрицание общественной лжи. Муза поэта была бунтующей, гневной, отрицающей, сокрушающей обман.

На протяжении своей короткой, но плодотворной жизни Лермонтов был одинок.

Глубочайшее литературное верование России, одинаково беспощадное к себе и людям, певец обреченности.

Поэт бунта и протеста.

За Лермонтовым в русской культуре прочно закреплен ореол мрачного изгнанничества, романтического одиночества и порыва к свободе.

Лермонтов был уверен в своей правоте поднять меч Геракла – страстный призыв души к деяниям во имя жизни, страстный поиск обновления человека в могучей земной жизни.

В уста героя Печорина он вложил эту экспрессивную мятежную силу, проверяющую человека на прочность: *«Нет, я бы не ужился с этой долей! Я как матрос, рожденный и выросший на палубе разбойного брига: его душа сжилась с бурями и битвами, и, выброшенный на берег, он скучает и томится».*

И сам поэт, и его поэтические образы – энергия бунта, протеста, титанической тоски и порыва. Он искал могучего проявления воли, приобщения к широким интересам времени. В его природе было что – то особенное, ему одному свойственное, что – то гордое и таинственное, сильное и подлинное без которых жизнь скучна и однообразна.

И. С. Тургенев так описал свое впечатление от встречи с Лермонтовым:

«В наружности Л. было что – то зловещее и трагическое; какой – то сумрачной и недоброй силой, задумчивой презрительностью и страстью веяло от его смуглого лица, от его больших и неподвижно – темных глаз».

Печорин скажет о себе, а значит – о Лермонтове: *«... Глупец я или злодей, не знаю; но то верно, что я так же очень достоин сожаления...»*

Он был поэтом, говорившим резко и определенно, и в котором выразился исторический момент русского общества: протест против гнусных его порождений и *«сочувствие ко всему человеческому»*. И потому не случайно современники назвали Лермонтова *«поэтом русским, народным»*.

Он писал стихи буквально кровью:

*«Толпой угрюмой и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovitой,
Ни гением начатого труда»*

(«Дума»).

Его стихи шли буквально из глубины мятежного и прометеевского духа. Это был стон, даже вопль человека, который считал злом отсутствие стыда и совести, то есть внутренней жизни, «чувствительной души»: «Мой идеал – совесть и... могила Оссиана» – так Лермонтов произнес однажды.

Глубокая и острая как наконечник копья мысль, роскошные поэтические образы, испепеляющая полнота жизни, увлекательное, неотразимое по силе воздействия лирическое обаяние, бьющая огненным фонтаном *действительность* – классический поэт по эстетическим и нравственным чувствам.

Образы поэта – Демон, Печорин, Арбенин – это трагическая, сумрачная и недобрая сила. И в то же время потрясающая энергия в этих исполинских образах – энергия бунта, протеста, титанической тоски и порыва. Поэт вложил в эти страстные полутемные фигуры такую силу скорби, неприятия лжи и лицемерия, что просто пленил нас своими жестокими героями, заставил склониться перед их болью, злой болью, перед их холодным, бунтующим отчаянием.

Герцен о Лермонтове

Причислял Лермонтова к числу «эгоцентрических натур», считал, что в «Герое нашего времени» Лермонтов изобразил «патологию собственной души» и что «печоринское», оно же и «лермонтовское», в психологии людей 1830—1840-х годов встречалось нередко».

На наметившуюся тенденцию к порицанию Печорина Герцен откликнулся статьями «Very dangerous!» и «Лишние люди и желчевики», в которых предлагал исторически оценивать роль «лишних людей». Считал, что это был прогрессивный и необходимый для последующих поколений этап истории.

Считал Лермонтова центральной фигурой в поэзии после пушкинского периода; говоря о второй половине 1830-х годов в статье «Герой нашего времени», назвал Лермонтова в числе «сильных художественных талантов, неожиданно являющихся среди окружающей их пустоты». В статье «Стихотворения М. Лермонтова» высказал идею «субъективности» лермонтовской поэзии, то есть наличия в ней «внутреннего элемента духа», позволяющего поэту выразить не только свои чувства и переживания, но и все, чем живет человечество.

Детство

Герб рода Лермонтовых с девизом: «SORS MEA JESUS» (*Судьба моя Иисус*)

Михаил Лермонтов родился в Москве 3 (15) октября 1814 – го, в дворянской семье, и вырос в селе Тарханы (ныне Лермонтово), в Пензенской области. Своими корнями род Лермонтовых упирается в полумифического шотландского барда 13-го века, Томаса Лермонта, по преданию, со слов Вальтера Скотта, обладавшего даром провидца.

Отец прозаика, Юрий Петрович Лермонтов, женился на 16 -летней Марии Михайловне Арсеньевой, богатой молодой наследнице известного аристократического рода Столыпиных.

Ранняя смерть матери и конфликт, рассоривший его отца и бабушку Е. А. Арсеньеву, вследствие чего отец подчинился требованию состоятельной Арсеньевой и разрешил ей увезти сына Михаила к ней на родину. Воспитывался у бабушки Елизаветы Арсеньевой в ее родовом имении Тарханы.

На развитие Михаила сыграла его болезненность. Мальчик страдал золотухой из-за ослабленного иммунитета, но со временем «привык побеждать страдания тела» и с головой погружаться в собственные грезы.

Елизавета дважды возила внука на Кавказ, на воды, в 1819 – м и 1820 – м. Летом 1825-го, когда здоровье мальчика стало ухудшаться, семейство отправилось к минеральным источникам в третий раз. Поездки оказали сильное впечатление на мальчика, впоследствии написавшего, что для него «кавказские горы священны».

В детстве ведет потаенный лирический дневник с подражанием Байрону, где чужие, зачастую антиномичные, контрастные формулы служили выражением его блуждающей в поисках возвышенного идеала души. Романтический образ отца и семейная распря отразились позднее в драмах: «Люди и страсти», 1830, «Странный человек», 1831.

Лермонтов и Пушкин.

Несмотря на их «невстречу», Лермонтов действительно находился под впечатлением от романтических поэм Пушкина и под их влиянием создал несколько своих собственных. Например, у Лермонтова есть поэма с тем же названием, что и у Пушкина, – «Кавказский пленник». В «Герое нашего времени» многое взято из «Евгения Онегина». В его поэзии и прозе словно оживают пушкинские начала.

На замечательное по революционно – демократическому духу стихотворение Пушкина «Кинжал» Лермонтов откликается одноименным стихотворением – откровенно подчеркнуто сходство по мотивам. Но в нем поэт усиливает тему героической любви – любви к родине, и призывает к подвигу: «...ты дан мне в спутники, любви залог немой...».

Демон некогда искушал Пушкина:

Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня.

Печальны были наши встречи:
Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу хладный яд.

Неистоимой клеветой
Он провиденье искушал;

Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел —
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

Демон у Пушкина – это дух сомнения, размышления (рефлексии), разрушающий всю полноту бытия. Но крыло пушкинского демона лишь изредко омрачало поэтический горизонт поэта – жизнелюба.

Демон лермонтовский, говоря словами В. Г. Белинского, более страшный, более неразгаданный, более мрачный – этот демон неотступно темнил чело и мысль Лермонтова. Лермонтовский демон – путь одинокого дерзания, путь гордого неприятия мира, вариант Прометея николаевской эпохи (по мифу: Николай – это Зевс, приковавший к скале Прометея – Лермонтова, который во имя любви к людям восстал против Зевса). Как утверждал Белинский, дело не в том, что Лермонтов выше Пушкина силой таланта, более важно, что своим творчеством Лермонтов выразил более высокое время – *время беспощадного отрицания существующего общества*. Лермонтовское неприятие действительности, лермонтовский бунт свидетельствовал о приходе нового общественного сознания. В условиях последекабристской реакции именно индивидуальный бунт (крайне отрицаемый Пушкиным) оказался далеко не романтической выдумкой – проявился как историческая закономерность свободолюбивых тенденций времени.

Лермонтовский Демон – могучий дух, растерявший свои упования, томившийся в пустынной жажде великого дела. На вопрос Тамары: «Скажи, зачем меня ты любишь?» – последует горестный ответ Демона: «Зачем, красавица? – Увы, не знаю!..»:

Какое горькое томленье
Всю жизнь, века без разделенья
И наслаждаться и страдать,
За зло похвал не ожидать.
Ни за добро вознагражденья;
Жить для себя, скучать собой...

Демон Лермонтова несет в себе казнь постылого бессмертия и, в отличии от пушкинского демона, лишен гуманистического содержания:

И я людьми не долго правил,
Греху не долго их учил,
Все благородное бесславил
И все прекрасное хулил

В области поэтических исканий Пушкин упорно стремился к преодолению романтического начала в человеке, он воспевал в нем прежде всего волю как препятствие на пути к неограниченному субъективному дерзанию (основное в натуре Лермонтова).

Блиzkих отношений с пушкинским кругом у Лермонтова не складывается: и Жуковский, и Вяземский, и Плетнёв далеко не всё принимают в его творчестве.

Жизнь Лермонтова была на десять лет короче жизни Пушкина и он написал на 330 стихотворных текстов меньше (первый – 450, второй – 783).

Знакомство Пушкина и Лермонтова документально не подтверждено, есть только свидетельство встречи – в «Записках А. О. Смирновой», (1897 год), но этот мемуар не пользуется славой достоверного источника. Не будучи лично знаком с Пушкиным, Лермонтов не раз видел его в Москве и Петербурге на улице, в театрах, в книжных магазинах, в общественных местах. Но с кругом близких друзей Пушкина до отъезда 19 марта из Петербурга в первую кавказскую ссылку Лермонтов не успел познакомиться. Тем не менее, стихотворение «Бородино» 21-летнего выпускника юнкерской школы напечатано в пушкинском журнале «Современник» за 1837.

В конце января врач Н. Ф. Арпенд, побывав у заболевшего Лермонтова, который в то время жил в квартире в Санкт-Петербурге, рассказал ему подробности дуэли и смерти Пушкина, которого пытался спасти. Возможно, этот рассказ повлиял на продолжение работы над стихотворением «Смерть поэта».

«Арендт, который видел много смертей на веку своем и на полях сражений, и на болезненных одрах, отходил со слезами на глазах от постели его и говорил, что он никогда не видал ничего подобного, такого терпения при таких страданиях» — *Вяземский*.

Смерть Пушкина явила Лермонтова русской публике во всей силе поэтического таланта. Лермонтов был болен, когда совершилось страшное событие. До него доходили разноречивые толки; «многие», рассказывает он, «особенно дамы, оправдывали противника Пушкина», потому что Пушкин был дурён собой и ревнив и не имел права требовать любви от своей жены.

Невольное негодование охватило Лермонтова, и он «*излил горечь сердечную на бумагу*». Стихотворение «Смерть поэта» (1837 г.) оканчивалось сначала словами «*И на устах его печать*». Оно быстро распространилось «*в списках*», вызвало бурю в высшем обществе и новые похвалы Дантесу. Наконец, один из родственников Лермонтова, *Н. Столыпин*, стал в глаза порицать его горячность по отношению к такому «джентльмену», как Дантес. Лермонтов вышел из себя, приказал гостю выйти вон и в порыве страстного гнева набросал заключительные 16 строк – «*А вы, надменные потомки...*».

Последовал арест...

Пленен красотой и любовью.

Пережил в 1830 – 1832 годах увлечения Е. А. Сушковой, Н. Ф. Ивановой, В. А. Лопухиной, создал лирико – исповедальный цикл с вечным трагическим концом, впоследствии озвученным Тютчевым: «И всюду страсти роковые... и поединок роковый». В этом любовно – лирическом строе созданы романтические поэмы «Черкесов», «Измаил – бек», «Литвинки» (1828 – 1832). В них он – подражатель, реализует байроновско – пушкинский канон:

- исключительность главного героя;
- мощный инструмент Провидения – случай;
- недосказанность сюжета;
- исторический, а отчасти – и экзотический колорит.

Первая любовь как материал для романа

Весна 1830 года 15-летний Лермонтов знакомится с Екатериной Сушковой Сушкова старше его на два с половиной года, у нее множество ухажеров Поэтому она вовсе не замечает влюбленного юношу:

«У Сашеньки встречала я в это время ее двоюродного брата, неуклюжего, косолапого мальчика лет шестнадцати или семнадцати, с красными, но умными, выразительными глазами, со вздернутым носом и язвительно-насмешливой улыбкой...».

Шестнадцатилетний «отрок», склонный к «сентиментальным суждениям», невзрачный, косолапый, с красными глазами, с вздернутым носом и язвительной улыбкой, менее всего мог

казаться интересным кавалером для юных барышень. В ответ на его чувства ему предлагали «волчок или верёвочку», угощали булочками с начинкой из опилок. Сушкова, много лет спустя после события, изобразила поэта в недуге безнадёжной страсти и приписала себе даже стихотворение, посвящённое Лермонтовым другой девице – Вареньке Лопухиной, его соседке по московской квартире на Малой Молчановке: к ней он питал до конца жизни самое глубокое чувство, когда-либо вызванное в нём женщиной.

Лермонтов пишет цикл стихотворений о неразделенной любви, который позднее назовут *сушковским*, – свидетельства трогательной детской влюбленности, первое сильное юношеское увлечение Лермонтов. С Сушковой связан лирический «цикл» 1830 («К Сушковой», «Нищий», «Стансы» («Взгляни, как мой спокоен взор...»), «Ночь», «У ног твоих не забывал...» «Я не люблю тебя: страстей...»). (тон явно байронический, поэт так им увлечен, что едва ли не отождествляет себя с ним):

Смеялась надо мною ты,
И я презреньем отвечал, —
С тех пор сердечной пустоты
Я уж ничем не заменял.
Ничто не сблизит больше нас,
Ничто мне не отдаст покой...
Хоть в сердце шепчет чудный глас:
Я не могу любить другой.

Лермонтов, «Стансы»

Отношения между ними, резкие и контрастные, от любви до холодного расставания, послужило материалом, и прежде всего, психологическим осмыслением для романа «Княгиня Лиговская» (не окончен, 1836)), в котором Лермонтов в некой зловещей интонации, даже злобно, подробно детализирует (как хронометраж выстраивает), пересказывает свои приключения устами Печорина – как бы случайного однофамильца «Героя нашего времени». 22-летняя Сушкова выведена там как 25-летняя «отцветшая красавица» Елизавета Негурова.

«Она была в тех годах, когда еще волочиться за нею было не совестно, а влюбиться в нее стало трудно; в тех годах, когда какой-нибудь ветреный или беспечный франт не почитает уже за грех уверять шутя в глубокой страсти, чтобы после так, для смеху, скомпрометировать девушку в глазах подруг ее, думая этим придать себе более весу... уверить всех, что она от него без памяти и стараться показать, что он ее жалеет, что он не знает, как от нее отделаться... бедная, предчувствуя, что это ее последний обожатель, без любви, из одного самолюбия старается удержать шалуна как можно дольше у ног своих... напрасно: она более и более запутывается, – и наконец... увы... за этим периодом остаются только мечты о муже, каком-нибудь муже... одни мечты».

Лермонтов, «Княгиня Лиговская»

Несколько позднее Лермонтов переживает еще более сильное, хотя и кратковременное чувство к Н. Ф. Ивановой В эти годы (1830—1832) идет формирование личности поэта, и сменяющиеся любовные увлечения являются во многом попыткой личностного самоутверждения. Возникает жанр «отрывка» – лирического размышления, в центре которого рефлексия, определенный момент непрерывно идущего самоанализа и самоосмысления.

К 1830 году происходит знакомство поэта с Натальей Федоровной Ивановой, – таинственной незнакомкой Н. Ф. И.,. Ей посвящён так называемый «ивановский цикл» из приблизительно тридцати стихов. Отношения с Ивановой первоначально развивались иначе, чем с Сушковой, – Лермонтов впервые почувствовал взаимное чувство. Однако вскоре в их отно-

шениях наступает непонятная перемена, пылкому, молодому поэту предпочитают более опытного и состоятельного соперника. В творчестве Лермонтова становится ключевой тема измены, неверности. Из «ивановского» цикла стихов явствует, насколько мучительно переживал поэт это чувство. В стихах, обращённых к Н. Ф. Ивановой, не содержится никаких прямых указаний на причины сердечной драмы двух людей, на первом месте лишь само чувство неразделённой любви и раздумья о горькой судьбе поэта. Это чувство усложняется по сравнению с чувством, описанным в цикле к Сушковой: поэта угнетает не столько отсутствие взаимности, сколько нежелание оценить насыщенный духовный мир поэта.

Вместе с тем, отверженный герой благодарен своей возлюбленной за ту возвышающую любовь, которая помогла ему полнее осознать своё призвание поэта. Сердечные муки сопровождаются упреками к своей неверной избраннице за то, что она крадёт его у Поэзии. В то же время именно поэтическое творчество способно обессмертить чувство любви:

*Но для небесного могилы нет,
Когда я буду прах, мои мечты,
Хоть не поймёт их, удивлённый свет
Благословит; и ты, мой ангел, ты
Со мною не умрёшь: моя любовь
Тебя отдаст бессмертной жизни вновь;
С моим названьем станут повторять
Твоё: на что им мёртвых разлучать?*

Любовь поэта становится помехой поэтическому вдохновению и творческой свободе. Лирического героя переполняет противоречивая гамма чувств: нежность и страстность борются в нём с врождённой гордостью и вольнолюбием

В стихе **«Она не гордою красотой»** Лермонтов сентиментален, возникает образ девушки, чуждой тщеславной суеты света, полной жизни, вдохновенья, чудной простоты. Это стихотворение было обращено к девушке пленительной красоты, к Вареньке Лопухиной, чей образ навек вошел в душу молодого поэта:

*«Однако все ее движенья,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты.
Но голос душу проникает
Как воспоминанье лучших дней,
И сердце любит и страдает.
Почти стыдясь любви своей».*

А потом Лермонтов всю жизнь искал в любви бури, искал могучего проявления воли, имея «С небом гордую вражду».

И в уста Печорина он вложил свою душевную боль: *«Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничем не жертвовал для тех, кого люблю: я любил для себя, для собственного удовольствия».*

**Современники о произведениях Лермонтова:
«За пучок розог в руках Печорина».**

«Психологические несообразности на каждом шагу перенизаны мышлением неистовой словесности. Короче, эта книга – идеал легкого чтения. Она должна иметь огромный успех! Все действующие лица, кроме Максима Максимыча с его отливом *ridicule*'я – на подбор, удивительные герои; и при оптическом разнообразии все отлиты в одну форму, – самого автора Печорина, генерал-героя, и замаскированы кто в мундир, кто в юбку, кто в шинель, а присмотритесь: все на одно лицо и все – казарменные прапорщики, не перебесившиеся. Добрый пучок розог – и все рукой бы сняло!.. <...> Итак, в ком силы духовные заглушены, тому герой наших времен покажется прелестью, несмотря на то, что он – эстетическая и психологическая нелепость. В ком силы духовные хоть мало-мальски живы, для тех эта книга отвратительно несносна».

«За пигмея зла и недуги Запада».

«Печорин, конечно, не имеет в себе ничего титанического, он и не может иметь его; он принадлежит к числу тех пигмеев зла, которыми так обильна теперь повествовательная и драматическая литература Запада. <...> Печорин не имеет в себе ничего существенного относительно к чисто русской жизни, которая из своего прошедшего не могла извергнуть такого характера. Печорин есть один только призрак, отброшенный на нас Западом, тень его недуга, мелькающая в фантазии наших поэтов, *un mirage de l'occident*...»

«За вино в груди»

«... Тут неровность, непредугаданность строк – результат не трезвого расчета по разрушению стиха, а следствие бурной эмоции. Стихотворение [„Смерть поэта“] написано взволнованно – и только так его можно читать: глубоко и искренне сопереживая. Потому что если изучать его неторопливо и непредвзято, то обнаружится набивший оскомину комплект из „мига кровавого“, „мирных нег“, „невольника чести“, да еще с добавлением неуместного фокуса, вызванного все той же клишированной скороговоркой: „с винцом в груди“».

Петр Вайль и Александр Генис, писатели

«За подражательность и несостоятельность».

«Произведения Лермонтова, при всей несостоятельности своей перед судом истинной критики, заслуживают внимания и, вероятно, понравятся еще молодым людям будущего поколения в тот период жизни, когда дикое и отрицательное производит на людей какое-то прельстительное впечатление; но никто из нас, блюстителей русского Парнаса в звании журнальных рецензентов, не должен сожалеть о том, что пресеклось столь нехудожественное, столь горькое направление поэзии; и самая поэзия эта, сколь ни замечательна при отдельном рассмотрении ее, теряет всякое значение в русской поэзии вообще, как проявление незрелого дарования, не отличавшегося самобытностью и бывшего только подражательным».

Барон Егор Розен, критик и литератор, автор либретто оперы «Жизнь за царя»

Байронический герой

В 1828—1829 гг. Лермонтов пишет поэмы «Корсар», «Преступник», «Олег», «Два брата», «Последний сын вольности», «Измаил-Бей», «Демон». В центре байронической поэмы – герой, изгой и бунтарь, находящийся в войне с обществом и попирающий его социальные и нравственные нормы.

Лирический герой

М. Ю. Лермонтов жил и творил в годы жесточайшей политической реакции, наступившей в России после разгрома восстания декабристов. Потеря матери в раннем возрасте способствовала обострению в его сознании трагического несовершенства мира.

Лирический герой Лермонтова – гордая, одинокая личность, противопоставленная миру и обществу. В лирике поэта выразился протест против внутреннего внешнего рабства. Одиночество – центральная тема многих его стихов. Лирический герой не находит себе пристанища ни в светском обществе, ни в любви, ни в дружбе, ни в отчизне.

Исторические характеры

В период 1836—1837 годов Лермонтов создает «Боярина Оршу» (1835—1836), первую оригинальную и зрелую поэму. Орша – первая попытка Лермонтова создать исторический характер – показать феодала эпохи Грозного, живущего законами боярской чести. Эта тема была продолжена в «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» (1838). Своего рода аналогом «Песни...» в лирике Лермонтова было «Бородино», отклик на 25-ю годовщину Бородинского сражения (1837) – поэтический триптих о народной войне 1812 года.

В «Песне о купце Калашникове» мотивы трагической любви и борьбы за свободу звучат зрело. Здесь и ненависть к царю – тирану и месть опричнику – опоре тиранического режима, и защита оскорбленной женской чести, как бы символизирующей поруганную честь родины. Весьма своеобразно, что торжеству мести Лермонтов придает народный размах, колокольное народное звучание. Оскорбленная жена Калашникова зовет его на борьбу с царевыми опричникам. Человек из народа, верный патриархальным (чистым) представлениям о чести, Кулашников сокрушает царского любимца, опричника Кирибеевича. Именно ему – оскорбителю жены Калашникова, поругателю родины – Лермонтов придал демоническое звучание, которое его так сильно привлекало.

Калашников смело вступает в поединок с опричником, убивает его. Царю гордо говорит, что убил «вольной волей». По приказу царя казнят лютой смертью Степана Калашникова, но слава о заступнике народной обиды живет даже и на могиле:

Схоронили его за Москвой – рекой,
На чистом поле промеж трех дорог,
Промеж Тульской, Рязанской, Владимирской,
И бугор земли сырой тут насыпали,
И кленовый крест здесь поставили.
И гуляют, шумят ветры буйные
Над его безымянной могилою;
И проходят мимо люди добрые, —
Пройдет стар человек – перекрестится,
Пройдет молодец – приосанится,
Пройдет девица – пригорюнится,
А пройдут гусяры – споют песенку.

Лермонтов не был знаком с Пушкиным. Его стихотворение «Смерть Поэта» (1837), написано сразу же по получении известия о гибели Пушкина. 18 февраля 1837 Лермонтов был арестован, началось политическое дело о «непозволительных стихах». Под арестом Лермонтов пишет несколько стихотворений: «Сосед» («Кто б ни был ты, печальный мой сосед»), «Узник», положивших начало блестящему «циклу» его «тюремной лирики»: «Соседка», «Пленный рыцарь» (оба – 1840) и другие.

Главные свойства трагической природы.

В Лермонтове удивительным образом уживались две стороны: Арбенин и Печорин. Арбенин (двойники: Мцыри и Арсений – поэма «Боярин Орша») – страстность, бьющая фонтаном, почти безумная сила, протестующая против всяких общественных правил и понятий. Протест выливается в ненависть к ним или презрением. Сила, несущая в себе *печать проклятья*, и которая гордится этой Каиновой печатью (а в лице Мцыри – сила зверская, ибо радуется братству с барсами и волками). Да, на такое настроение души Лермонтова оказал влияние герой поэмы Байрона «Лара» – отчасти подкрепил, оправдал тревожные мотивы судьбы поэта, но коренная причина в другом. В атмосфере николаевской эпохи, гнетущей и сдавливающей любые свободолобивые порывы, и в конечном итоге приводящей к протуберанцу, мощному и неистовому выплеску протестных страстей. Следы этой эпохи, породившей разужверие в собственных силах, отпечатались в одном из замечательных стихотворений Лермонтова:

И скучно и грустно

И скучно и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать?..
А годы проходят – все лучшие годы!
*Любить... но кого же?.. на время – не стоит труда,
А вечно любить невозможно.
В себя ли заглянешь? – там прошлого нет и следа: И радость,
и муки, и всё там ничтожно...*
Что страсти? – ведь рано иль поздно их сладкий недуг
Исчезнет при слове рассудка;
И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг —
Такая пустая и глупая шутка...

В этом стихотворении, написанном поэтом в 1840 году, внутренние противоречия определены в первых и последних строках. Мотив одиночества, «красной нитью» проходящий через все произведение, подводит к скептическому сознанию бренности жизни. Она оказывается всего лишь «пустой и глупой шуткой». Рядом с мотивом одиночества присутствует еще один мотив. Если раньше одиночество романтического героя рассматривалось как естественная позиция избранной личности, то теперь во внутреннем мире герой не видит никаких идеалов.

Желания, любовь, страсти, то есть те переживания, в которых герой хотел бы найти себя, и таким образом найти смысл жизни, отвергаются из-за их временности, конечности, а не потому, что они не представляют никакой ценности.

Лермонтов одновременно и переживает, и выражает свои переживания. Внутренний монолог героя способствует раскрытию его противоречий, через которые выражается противоречие жизни вообще. Совмещение конкретного и философского.

Лермонтов обнажает противоречия внутреннего мира героя. Выдвинутый тезис тут же подвергается сомнению, скептически переоценивается, мысль становится неоднозначной, противоречивой. Поэт писал это стихотворение «в минуту душевной невзгоды», под влиянием эмоций. Но в нем он говорит об извечных, философских темах: о любви, о страсти, о дружбе, о бесцельно прожитых годах.

Душа лирического героя мечется, ищет смысл существования – и не находит. Герою не важны приземленные вещи, ему необходимо высокое оправдание жизни. Предшествующий опыт и размышления приводят к страшному выводу: жизнь, если отбросить проходящие эмоции и восторг, всего лишь «пустая и глупая шутка». Усталость, разочарование, одиночество захлестывают поэта. Его душа уже не рвется и не плачет, а с «холодным вниманьем» говорит о своем бесцельном существовании.

В драме «Маскарад» – жестокий мир, который несет смерть, несет смерть и самое светлое и самое радостное чувство – чувство любви. Любовь Арбенина к Нине разрешится преступлением и смертью, ибо человек лживого мира не может верить в чистоту и святость чувств. Безумие Арбенина и смерть Нины – расплата за иллюзию любви. Арбенин – своеобразный вариант Демона. Любовь для Лермонтова как тщетный мотив примирения с мрачной действительностью. Ведь демонический, мятущийся гений Лермонтова неспособен был к примирению, а в неустрашенном обществе нет места счастливой любви, есть только сладостная иллюзия, возвышенный обман. Для Лермонтова действительность – это обман и зло, они разрушают чистые чувства. Таким образом, Арбенин подготовлен всеобщностью зла жизни к тому, чтобы однажды усомниться в любви к Нине. Потому что его любовь – это всего лишь судорожная попытка уйти от личной стихии – стихии зла, полностью подчинившей душу героя. Любовь Арбенина – это иллюзия, лишённая веры; любовь азартного игрока, постоянно испытывающего судьбу.

Столкновение естественных стремлений Лермонтова к свободе с сферой светской неминуемо ведет к распятию, казни – ведь по сути эти стремления противоклановые, а, значит, антиобщественные. Зловещие предчувствия такого страшного исхода отражено в стихотворении «*Не смейся над моей пророческой тоскою*».

Печорин – концентрированное выражение арбенинского необузданного самолюбия и светской холодности, светского цинизма; совершенно двойственное существо: смотрится в зеркало перед дуэлью с Грушницким и рыдающий, грызущий землю, как волчонок Мцыри, после неудачной погони за Верой; бессилие личного произвола, ибо провалился в трясину сомнений – переживает презрение к самому себе и к своей личности и сохраняет, однако, вражду и презрение к действительности. «Жить для себя, скучать собой!» – ключ к разгадке трагедии Печорина. Не случайно в Бэле Печорин искал спасения от демонической, нестерпимой пустоты. Среди неприкаянного поколения тоскующий Печорин поехал за смертью в Персию (как и Лермонтов – на Кавказ!). До самой смерти своей Лермонтов был верен угрюмому убеждению, что «страна рабов» не знает и знать не может счастья.

Поэтическое настроение: гнев и презрение.

После выхода стихотворения «Смерть поэта» последовал арест и судебное разбирательство, за которым наблюдал сам Император; за Лермонтова вступились пушкинские друзья, прежде всего Жуковский, близкий Императорской семье, кроме этого бабушка, имевшая светские связи, сделала всё, чтобы смягчить участь единственного внука.

Некоторое время спустя корнет Лермонтов был переведён прапорщиком в Нижегородский драгунский полк, действовавший на Кавказе. Поэт отправлялся в изгнание, сопровождаемый общим вниманием: здесь были и страстное сочувствие, и затаённая вражда.

Природа приковала всё его внимание; он готов «целую жизнь» сидеть и любоваться её красотой; общество будто утратило для него привлекательность, юношеская весёлость исчезла и даже светские дамы замечали «чёрную меланхолию» на его лице. Инстинкт поэта-психолога влёт его, однако, в среду людей. Его здесь мало ценили, ещё меньше понимали, но горечь

и злость закипали в нём, и на бумагу ложились новые пламенные речи, в воображении складывались бессмертные образы.

Лермонтов возвращается в петербургский «свет», снова играет роль льва, тем более, что за ним теперь ухаживают все любительницы знаменитостей и героев; но одновременно он обдумывает могучий образ, ещё в юности волновавший его воображение. Кавказ обновил давнишние грёзы; создаются «Демон» и «Мцыри».

«Немного лет тому назад,
Там, где, сливаясь, шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры...»

И та, и другая поэма задуманы были давно. О «Демоне» поэт думал ещё в Москве, до поступления в университет, позже несколько раз начинал и переделывал поэму; зарождение «Мцыри», несомненно, скрывается в юношеской заметке Лермонтова, тоже из московского периода: *«написать записки молодого монаха: 17 лет. С детства он в монастыре, кроме священных книг не читал... Страстная душа томится. Идеалы»*.

В основе «Демона» лежит сознание одиночества среди всего мироздания. Черты *силы адской, демонизма* в творчестве Лермонтова: гордая душа, отчуждение от мира и презрение к мелким страстям и малодушию. Демону мир тесен и жалок; для Мцыри – мир ненавистен, потому что в нём нет воли, нет воплощения идеалов, воспитанных страстным воображением сына природы, нет исхода могучему пламени, с юных лет живущему в груди. «Мцыри» и «Демон» дополняют друг друга.

Разница между ними – не психологическая, а внешняя, историческая. Демон богат опытом, он целые века наблюдал человечество – и научился презирать людей сознательно и равнодушно. Мцыри гибнет в цветущей молодости, в первом порыве к воле и счастью; но этот порыв до такой степени решителен и могуч, что юный узник успевает подняться до идеальной высоты демонизма.

Несколько лет томительного рабства и одиночества, потом несколько часов восхищения свободой и величием природы подавили в нём голос человеческой слабости. Демоническое мирозерцание, стройное и логическое в речах Демона, у Мцыри – крик преждевременной агонии.

Демонизм – общее поэтическое настроение, слагающееся из гнева и презрения; чем более зрелым становится талант поэта, тем реальнее выражается это настроение и аккорд разлагается на более частные, но зато и более определённые мотивы.

В 1840 году вышло единственное прижизненное издание стихотворений Лермонтова, в которое он включил 26 стихотворений и две поэмы – «Мцыри» и «Песню про <...> купца Калашникова».

«... счастья не дано!...»

Елизавета Алексеевна, бабушка поэта, была *«не особенно красива, высокого роста, сурова и до некоторой степени неуклюжа»*. Обладала недюжинным умом, силой воли и деловой хваткой. Происходила из знаменитого рода Столыпиных.

После рождения в марте 1795 года единственной дочери, Марии, Елизавета Алексеевна заболела женской болезнью. Вследствие этого Михаил Васильевич сошёлся с соседкой по имению, помещицей *Мансырёвой*, муж которой длительное время находился за границей в действующей армии. В январе 1810 года, узнав о возвращении мужа Мансырёвой домой, Михаил

Васильевич принял яд. Елизавета Алексеевна, заявив: «*собаке собачья смерть*», вместе с дочерью на время похорон уехала в Пензу. Михаил Васильевич был похоронен в семейном склепе в Тарханах.

Елизавета Алексеевна Арсеньева стала сама управлять своим имением. Своих крепостных, которых у неё было около 600 душ, она держала в строгости, хотя, в отличие от других помещиков, никогда не применяла к ним телесные наказания. Самым строгим наказанием у неё было выбрать половину головы у провинившегося мужика, или отрезать косу у крепостной.

11 (23) октября в церкви Трёх святителей у Красных ворот крестили новорождённого Михаила Лермонтова. Крёстной матерью стала бабушка – *Елизавета Алексеевна Арсеньева*. Она же, недолюбливавшая зятя, настояла на том, чтобы мальчика назвали не Петром, как хотел отец, а Михаилом – в честь деда, Михаила Васильевича Арсеньева.

Есть мнение, что непосредственно после рождения внука бабушка Арсеньева в семи верстах от Тархан основала новое село, которое назвала в его честь – Михайловским (на самом деле хутор Михайловский был основан ещё до рождения внука Арсеньевой).

Марья Михайловна, была «*одарена душою музыкальной*». Она часто музицировала на фортепиано, держа маленького сына на коленях, и якобы от неё Михаил Юрьевич унаследовал «*необычайную нервность свою*».

Семейное счастье Лермонтовых было недолгим. «*Юрий Петрович охладил к жене... завёл интимные отношения с молоденькой немкой, Сесильей Фёдоровной, и, кроме того, с дворовыми... Буря разразилась после поездки Юрия Петровича с Марьей Михайловной в гости, к соседям Головниным... едучи обратно в Тарханы, Марья Михайловна стала упрекать своего мужа в измене; тогда пылкий и раздражительный Юрий Петрович был выведен из себя этими упреками и ударил Марью Михайловну весьма сильно кулаком по лицу, что и послужило впоследствии поводом к тому невыносимому положению, какое установилось в семье Лермонтовых. С этого времени с невероятной быстротой развилась болезнь Марьи Михайловны, впоследствии перешедшая в чахотку, которая и свела её преждевременно в могилу. После смерти и похорон Марьи Михайловны... Юрию Петровичу ничего более не оставалось, как уехать в своё собственное небольшое родовое тульское имение Кропотовку, что он и сделал в скором времени, оставив своего сына, ещё ребёнком, на попечение его бабушке Елизавете Алексеевне...».*

Марья Михайловна была похоронена в том же склепе, что и её отец. Её памятник, установленный в часовне, построенной над склепом, венчает *сломанный якорь*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.